

ТЮРКСКИЙ ТИТУЛ *BUJLA* (К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ)

1. Этот титул отмечен в древнетюрских памятниках VIII в., в частности, в рунических надписях, которые посвящены Бильге-Кагану и Тоньюокуку в качестве начального компонента титулов последнего *bojla* (~*bujla*) *baγa tarqan*, а также как часть имени (или титул?) в уйгурских памятниках IX в.:ср. *Bojla* (~*Bujla*) *Qutluq Jarqan*. Во всех этих источниках знаки, обозначающие гласный начального слога интересующего нас слова, могли читаться и как *o*, и как *u*, причем одни исследователи предполагали первое прочтение, а другие – второе¹.

Рассматриваемый титул или близкое к нему слово отмечены еще в языке древних булгар: *bojla* ~ *bujla* в антропониме *Ičirgü bojla*² – и в других памятниках, в числе которых известная надпись на золотом сосуде из Надь-Сент-Миклоша, язык которой одни ученые считают печенежским, а другие – древнебулгарским. В ней соответствующее слово также читается то как *bojla*, то как *bujla*. К примеру, Д. Немет дал два варианта его чтения: ранний *bojla* и более поздний *bujla*³.

К названному тюркскому титулу возводится др.-рус. *быля*, зафиксированное "Словом о полку Игореве" и переводимое как 'знатный старшина, патриархально-родовой старшина', а часть исследователей видит в нем компонент того слова или словосочетания, к которому восходит русское *болярин* ~ *боярин*⁴.

Реальная семантика непосредственно самого тюркского титула учеными представляется по-разному. Одни считают ее неясной (Дж. Клосон, К. Менгес), у других она практически отождествляется с семантикой др.-рус. *быля* (Н.А. Баскаков), третий, исходя в значительной степени из того, что этот титул носил Тоньюокук, бывший советником восточно-турецких каганов, приписывают этому титулу значения типа 'принадлежащий к государственному совету' или 'советник' (Г. Дёрфер, И.Н. Шервашидзе)⁵.

Следы древнего тюркского титула *bojla* ~ *bujla* обнаруживаются и в отдельных современных тюркских языках, на что в свое время обратил внимание С.Е. Малов, сопоставивший др.-турк. *bojla* с алт. *elči-bijla* (~*elči-bajla*)⁶. Последнее приводилось по работе Н.П. Дыренковой "Грамматика ойротского языка" (1940), где это парное слово фиксировалось в цитате из алтайского эпоса и где оно переводилось как 'посол'.

Перевод этот основывается, очевидно, на значении первого компонента слова (*elči*), находящегося, в отличие от второго, в активном употреблении в современных тюркских языках, в том числе и в алтайском, преимущественно в значениях 'посол, посланник; вестник' (ср. тув. *элчи* 'гонец, посыльный').

В тувинском языке обнаруживается и непосредственное соответствие алт. *elči-bijla* ~ *elči-bajla* в виде *элчи-буйла*, встречающегося очень редко и

отмеченного, в частности, в романе С. Сарыг-оола "Ангыр-оолдун тоожузу" ("Повесть Ангыр-оола"). Язык этого писателя и названного произведения, в частности, имеет тесную связь с тувинским фольклором. Любопытно, что и указанное слово употреблено С. Сарыг-оолом в традиционном тувинском обмене приветствиями при встрече в вопросе *Албан-херек, элчи-буйла тайбын-дыр бе?*, что можно перевести как "Не беспокоят ли Вас дела-обязанности, гонцы-посыльные?"

2. Существует ряд попыток этимологии титула *bojla ~ bujla*, в том числе и на материале тюркских языков, но эти этимологии не выдерживают серьезной критики.

Согласно получившей определенное распространение версии Ф.Е. Корша, *bojla* гомогенно с *bojlu* 'высокий' (<*boj* 'рост' + *-lu-* – афф. обладания) в современных юго-западных (огузских) тюркских языках. Однако, как отметил К. Менгес, "из орхонских форм только *bod-luylı*"⁷. Существенно и то, что в этом случае остается необъясненным "нестандартный" переход конечного *-u > -a*.

Согласно другой, сходной точке зрения, *bojla* также восходит к *bojlu*, но корневой морфемой в нем считается др.-турк. *boj* 'племя, род', а целое означает, как предполагается, 'имеющий племя, возглавляющий племя'⁸. Эта версия применительно к аффиксальной морфеме вызывает те же возражения, что и предыдущая, и, соответственно, принята также быть не может.

Трудно признать удовлетворительной также этимологию, практически связывающую титул с современным тюркским словом в форме *буйла*, обозначающим, в частности, часть верблюжьего повода⁹: как с фонетической, так и с семантической точек зрения такое сближение неправомерно, о чем свидетельствует, в частности, достаточно убедительная этимология названного слова¹⁰.

По-видимому, в определенной степени уязвимость подобных версий приводит К. Менгеса к выводу о том, что др.-турк. *bojla* "не имеет алтайской этимологии"¹¹. До того, как прийти к столь категоричному заключению, Менгес рассмотрел происхождение древнетюркского титула в специальной публикации¹², где, по его собственной последующей оценке, прослежены "восточные следы этого титула"¹³ и, в частности, внешне сходные с *bojla ~ bujla*, но, как выясняется, едва ли связанные с ним общностью происхождения слова-титулы в тунгусо-маньчжурских языках. Вместе с тем, подобный анализ все же недостаточен для выводов, подобных вышеупомянутому.

Некоторые исследователи вообще не предпринимали серьезных попыток установить происхождение титула *bojla ~ bujla*. Так, Дж. Клоссон в своем известном этимологическом словаре ограничился лишь выискаванием, согласно которому интересующее нас слово "очень старое, предположительно дотюркское и, возможно, хунинское"¹⁴.

В последние годы предпринимаются попытки истолкования титула как иноязычного по своему происхождению слова в тюркских языках, примером чему является этимологическая версия И.Н. Шервашидзе. По-

следний, исходя из того, что др.-турк. *bojla* означало, как он считает, ‘советник’, высказывают мнение, что “было бы заманчиво сопоставить это слово с греч. βούλεῖα ‘звание члена совета’ при βούλή, дор. βούλα ‘совет, наставление’, βούλαῖος ‘подающий (благие) советы’ и др., тем более, что титул носил Тоньюокук – советник тюркских каганов в Восточном каганате”¹⁵.

Следует, однако, заметить, что сам этот факт еще не свидетельствует о том, что соответствующий титул имел значение ‘советник’. Во всяком случае, в древнетюркских памятниках, в том числе и в памятной надписи в честь упомянутого Тоньюокука, составленной в форме его рассказа о себе от первого лица, в значении ‘советник’ определенно употребляется другое слово – *ajγuci* (*aiγuci*)¹⁶ < *aj-γuci*, где *aj-* – ‘говорить’ (<‘тот, кто может / должен сказать, сообщить’)¹⁷. Нет и доказательств того, что титул *bojla* ~ *bujla* и *ajγuci* употреблялись как синонимы. Тем более нет оснований утверждать, что значение ‘советник’ было первоначальным значением указанного титула.

Предлагаемая И.Н. Шервашидзе этимологическая версия выглядит созданной *ad hoc*, специально для данного случая. Она труднодоказуема, что ощущает и ее автор, поскольку Шервашидзе, едва ли случайно, пишет о самой возможности этого в условном наклонении (“Если удастся доказать греческое происхождение данного слова”...)¹⁸.

И.Н. Шервашидзе стремится подкрепить свое этимологическое решение также тезисом о “наличии эллинизмов в общетюркском (и древнетюркском)”, ссылаясь на свою предшествующую публикацию. В ней фигурируют три слова, относимые к числу грекизмов в тюркской лексике, но подобный статус слов выглядит далеко не бесспорным, а то и просто сомнительным, что в известной мере признает и сам автор¹⁹.

Сказанное не означает полного отрицания греческих заимствований в общетюркской (включая сюда древнетюркскую) лексике, хотя они, в любом случае, для нее малохарактерны. Вместе с тем, древнетюркско-греческие языковые контакты могли приводить (и приводили на практике) также к обратным заимствованиям: из древнетюркской лексики в греческую. В частности, если в нашем случае доказуемость факта заимствования тюркского титула из греческого языка находится под серьезным вопросом, то обратное, т.е. заимствование рассматриваемого титула греческим языком (византийского периода) является доказанным фактом. О нем свидетельствуют греч. βοιλός, βοηλάς и под., отражающие, по Менгесу, древнетюркский титул в варианте *bojlá*²⁰.

В заключение хотелось бы также заметить, что сопоставление тюркского титула с греческими словами в публикации И.Н. Шервашидзе вызывает некоторые сомнения и с фонетической точки зрения. Так, сочетание *ou* в греч. βουλή, βουλα и под., по-видимому, читалось как *u*, а не как *oj*, о чем свидетельствуют указание на способ его прочтения на материале этих и родственных им слов в другой публикации²¹, а также использование сочетания *ou* в заимствованиях восточных собственных имен в греческом языке Византии: βοιλύαροι ‘булгары’, Βοιλύαρία ‘Булгария’ и т.п.²²

3. Из сказанного, как нам представляется, явствует, что при выяснении

происхождения титула *bojla* ~ *bujla* отнюдь не полностью использованы возможности его этимологизации на собственно тюркской языковой основе: здесь сделаны только первые и при этом малоудачные шаги. Уязвимость большинства исконно тюркских версий, а также рассмотренной выше версии иноязычного происхождения титула во многом связана с тем, что не совсем точно определен исходный фонетический вариант, которым считается вариант с широким гласным первого слога (*bojla*).

Между тем, как уже отмечалось, относительно древнетюркских письменных фиксаций титула едва ли можно определенно сказать, что в них отражается именно широкий, а не узкий гласный.

Утверждается также, что форма типа *бојлас*, "засвидетельствованная в греческом языке византийского периода, вполне очевидно отражает древнетюркский титул *bojla*"...²³ (а, значит, не *bujla*). Однако с этим трудно согласиться, поскольку заимствования далеко не всегда "зеркально" воспроизводят звуковой облик оригинала. Должны быть приняты во внимание обстоятельства, с которыми связано появление слова в заимствующем языке (источники, возможные посредники, вероятность контаминации с другими словами и т.д.), но в данном случае необходимый анализ отсутствует. Поэтому нет достаточных оснований столь уверенно говорить о том, что здесь мы имеем дело именно с исходной формой *bojla*.

В то же время данные современных тюркских языков (тув. элчи-буйла, отчасти алт. *elči-bijla*), оставшиеся неизвестными для исследователей или не вполне ими учтывавшиеся, свидетельствуют, что первоначальным вариантом слова вполне мог быть *bujla*.

Эти данные, помимо того, позволяют пролить свет и на возможное исходное значение титула. Парные слова тюркских языков типа *elči-bijla* ~ элчи-буйла нередко состоят из слов-компонентов, являвшихся синонимами или, во всяком случае, содержащих в своих значениях значительную общность.

В данном случае исходная семантика первого компонента достаточно ясна (о ней уже говорилось выше). Можно полагать, что и слово *bujla* первоначально обозначало нечто вроде порученца, гонца, вестника, посла, посланника, представителя и под., а затем стало употребляться в качестве одного из высоких титулов.

Аналогию подобного семантического развития можно видеть в др.-турк. *elči*, означающего как 'посол; вестник', так и 'важное должностное лицо, правитель'²⁴, причем направление этого развития устанавливается вполне определенно²⁵.

Аналогичные смысловые изменения прослеживаются не только в исконной тюркской лексике, но и в заимствованных словах:ср. в этом плане *вакиль* 'родовой старшина у туркмен-кочевников'... < араб. *vakil* 'представитель правительства, посланник, депутат, поверенный'²⁶.

Что касается этимологии титула *bujla*, то мы полагаем, что он является гомогенным с другим, общетюркским словом-титулом *bujuruq* ~ *buijuq*, имеющим (в различных тюркских языках) такие значения, как 'приказный; министр; повелитель; правитель, начальник; командующий; чинов-

ник; уполномоченный'. Последнее является производным от глагольной основы *bujur-* 'приказывать, назначать; поручать; от правлять, велеть ехать'...²⁷.

Как видно, смысловая связь указанного глагола со словом 'порученец; гонец; посланник' и т.п. довольно четко уловима. Она ощущается и между словами *buja* и *bujiq* и, возможно, была бы более заметной, если бы мы более реально представляли, что означало *buja* в качестве титула.

В свою очередь, глагол *bujur-* считается формой понудительного залога от "некоего глагола" **buj-* или **bu(j)u*-²⁸.

Возможным производным от этого глагола мы считаем имеющееся в части современных тюркских языков имя *buju* 'вещь, предмет; изделие; дело, надобность, необходимость'. В результате у глагольной основы **bu(j)u*- может быть реконструирована семантика 'делать; осуществлять то, что необходимо' (в том числе 'отправляться куда-либо, выполняя поручение')²⁹.

От этой основы, кроме формы понудительного залога *bujur-* (см. выше) могла существовать и форма медиопассива **bujuł-*, производным от которой, вероятно, и было имя **bu(j)ula* > *buja*, обозначающее то лицо, от которого требуется выполнение порученного.

С помощью аффикса *-a-* (вариант *-i*) могут образовываться отглагольные имена со значением носителя процесса типа азерб. *gonış* 'сосед' (<*gonuši- 'совместно встречаться; вести знакомство'), др.-турк. *körşü* 'друг' (**körüş-* 'видеться'), чуваш. *пäхä* 'смотритель; наблюдатель' (<*päx-* 'смотреть, наблюдать') и под.³⁰ К их числу может быть отнесено и *buja*.

Предлагаемая этимология титула с опорой на исходный вариант *buila* в определенной степени помогает понять особенности, связанные с заимствованием др.-рус. *быля*. Последнее, скорее всего, явилось прямым тюркским заимствованием (посредство других языков, в частности греческого, что допускают некоторые исследователи, маловероятно). Наиболее проблематичным является появление в русском слове гласного *ы*: здесь предполагается влияние народной этимологии по связи с основой *бы* в глаголе *быть*³¹.

Это допустимо. Но вполне вероятно также восхождение *быля* к тюркской форме с делабиализацией узкого гласного первого слога (ср. алт. *elči-bijla*), что, наряду с другими изменениями, отмечается уже в древнетюркских памятниках: ср. такие варианты титула *bu(j)ruq*, как *bujiq* и *bırıq*³².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., в частности: Древнетюркский словарь. Л., 1969, 110, 121, 240; *Clauson G. An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish*. Oxford, 1972, 385; *Erdal M. The turkic Nagy-Szent-Miklos inscription in Greek letters // AOr, t, XLII, fasc. 2-3. Budapest, 1988, 225-226.*

² Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, 235.

³ См.: Бенцинг И. Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. Вып. I. М., 1986, 16-17.

- ⁴ Баскаков Н.А. Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве". М., 1985, 155–156.
- ⁵ Ср.: Clauson G. Op.cit.; Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Л., 1979, 84; Баскаков Н.А. Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве", 155; *Он же*. Титулы и звания в социальной структуре бывшего Хивинского ханства // Советская тюркология, 1989, № 1, 66; Шервашидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура // ВЯ 1990, № 3, 81, 89.
- ⁶ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951, 372.
- ⁷ Менгес К.Г. Указ. соч., 91–92.
- ⁸ Баскаков Н.А. Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве", 40.
- ⁹ См.: Боконбаев К.Дж. О некоторых тюркизмах в "Слове о полку Игореве" // Тюркология-88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. Фрунзе, 1988, 77–78.
- ¹⁰ Севортын Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б". М., 1978, 287–288.
- ¹¹ Менгес К.Г. Указ. соч., 85.
- ¹² Menges K.H. Problemata etymologica // Studia Sino-Altaica. Wiesbaden, 1961, 130–139.
- ¹³ Менгес К.Г. Указ. соч., 85.
- ¹⁴ Clauson G. Op. cit., 385.
- ¹⁵ Шервашидзе И.Н. Указ. соч., 89.
- ¹⁶ Древнетюркский словарь, 28; Малов С.Е. Указ соч., 355.
- ¹⁷ Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980, § 62, 114.
- ¹⁸ Шервашидзе И.Н. Указ. соч., 89.
- ¹⁹ Шервашидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд // ВЯ, 1989, § 78–79.
- ²⁰ Менгес Г.К. Указ. соч., 84, 91.
- ²¹ См.: Петров К.И. Расшифровка некоторых этнотерминов из "Истории" Менандра Протектора-Византийца // Тюркология-88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. Фрунзе, 1988, 517.
- ²² Менгес Г.К. Указ. соч., 40, 47, 48, 92.
- ²³ Там же, 84.
- ²⁴ Древнетюркский словарь, 169.
- ²⁵ Этимологию данного слова см.: Севортын Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, 350–351.
- ²⁶ Баскаков Н.А. Титулы и звания в социальной структуре бывшего Хивинского ханства, 66.
- ²⁷ Севортын Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б", 246–247.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Допустима связь указанной глагольной основы и кирг. буй 'хозяйственные заботы, житейские дела'.
- ³⁰ См.: Севортын Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, 259, 264; Древнетюркский словарь, 665.
- ³¹ Менгес К.Г. Указ. соч., 92.
- ³² Древнетюркский словарь, 121.